

На правах рукописи

ПШЕХОТСКАЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

**КОСВЕННОЕ ДОПОЛНЕНИЕ КАК СУБКТЕГОРИЗОВАННЫЙ И
НЕСУБКТЕГОРИЗОВАННЫЙ АКТАНТ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2012

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

кандидат филологических наук,
доцент
Лютикова Екатерина Анатольевна

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

Тестелец Яков Георгиевич
доктор филологических наук, профессор
Учебно-научного центра лингвистической типологии
Института лингвистики ФГБОУ ВПО
«Российский государственный
гуманитарный университет»

Гращенко Павел Валерьевич
кандидат филологических наук
Институт востоковедения РАН

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:

Институт русского языка РАН

Защита диссертации состоится «___» _____ 2012 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.24 при ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале 1-го учебного корпуса ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. М. Белов

Общая характеристика диссертации

Диссертация посвящена исследованию семантико-синтаксических свойств конструкций с косвенным дативным дополнением, которое субкатегоризуется управляющим глаголом, и конструкций с косвенным дативным дополнением, которое не субкатегоризуется управляющим глаголом (далее – конструкций с субкатегоризованным и несубкатегоризованным дативом), ср. субкатегоризованное и как следствие синтаксически обязательное дативное дополнение *Маше* при глаголе *дать* и несубкатегоризованное и как следствие синтаксически необязательное дативное дополнение *Маше* при глаголе *вскопать*: *Вася дал Маше книгу* (**Вася дал книгу*) и *Вася вскопал Маше огород* (*Вася вскопал огород*). В работе выстраивается фрагмент теории аргументной структуры, предполагающий, что несубкатегоризованный датив не специфицируется в словаре, а возникает свободно в ходе синтаксической деривации. Ограничения на присоединение несубкатегоризованного датива являются семантическими, т.е. формулируются в терминах ограничений на семантическую интерпретацию элементов синтаксической структуры.

Актуальность работы обусловлена интересом отечественных и зарубежных лингвистов к аргументной структуре глагола. В рамках данной проблематики традиционно в центре внимания находится соответствие между различными участниками ситуации, обозначаемой глаголом, и теми синтаксическими позициями, которые соответствуют им в предложении, ср. понятия диатезы и модели управления, обсуждаемые в работах [Мельчук, Холодович 1970]¹, [Мельчук 1974]², [Падучева 1974]³, [Апресян 1974]⁴. Однако выявление подобных соответствий не является единственно возможным способом изучения актантной структуры глагола, о чем свидетельствуют многочисленные работы представителей западных лингвистических школ (Хомский, Давидсон, Парсонс и др.). В рамках данных формальных семантико-синтаксических направлений актантная структура представляет собой не соотношение участников ситуации, обозначаемой глаголом, и тех позиций, которые соответствуют им в предложении, а сложные иерархически организо-

¹ Мельчук, И. А., А. А. Холодович. 1970. «К теории грамматического залога (определение, исчисление)», Народы Азии и Африки 4. С. 111—124.

² Мельчук, И. А. 1974. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М.: Наука.

³ Падучева, Е. В. 1974. О семантике синтаксиса. М.: Наука.

⁴ Апресян, Ю. Д. 1974. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука.

ванные структуры, порождаемые на основе собственно синтаксических правил (Генеративная грамматика Н. Хомского) и получающие формальные логико-семантические интерпретации (Парти, Давидсон, Парсонс). Интерес и актуальность данного направления обусловлены тем, что при таком подходе аргументная структура предстает не просто как соответствие между единицами семантического и синтаксического уровня, а как иерархически организованная структура, позволяющая объяснить семантико-синтаксические ограничения, накладываемые на глагол. Настоящая работа выполнена именно в рамках данного направления, что позволяет предложить такой фрагмент теории аргументной структуры, который объясняет целый ряд ранее оставляемых за кадром семантико-синтаксических ограничений, накладываемых на глагол в конструкциях с субкатегоризованным и несубкатегоризованным дативом.

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что на русском материале сравнение семантико-синтаксических свойств конструкций с субкатегоризованным и несубкатегоризованным дативом ранее никем не проводилось. Данное сравнение позволяет а) выявить целый ряд не отмеченных ранее в других работах ограничений на присоединение несубкатегоризованного датива, б) построить такой фрагмент теории аргументной структуры, которая позволяла бы объяснить данные ограничения.

Объектом настоящего исследования являются конструкции с субкатегоризованным и несубкатегоризованным дативом. В состав конструкций с несубкатегоризованным дативом входит глагол, допускающий, но не субкатегоризирующий дативное дополнение (ср. (2)), в состав конструкции с субкатегоризованным дативом — глагол, субкатегоризирующий дативное дополнение (ср. (1)).

Дативное дополнение *Маше* в (1а) является субкатегоризованным дативом, а в (2а) — несубкатегоризованным дативом. Свойством, отличающим первый — субкатегоризованный — датив от второго — несубкатегоризованного датива, является его синтаксическая обязательность в предложении. Для иллюстрации данного положения сравним две пары конструкций:

- (1) а. Вася дает Маше книгу.
б. *Вася дает книгу.
- (2) а. Вася вскопал Маше огород.

б. Вася вскопал огород.

Отсутствие в предложении несубкатегоризованного датива не делает предложение (2б) неграмматичным. Напротив, субкатегоризованный датив (в неэллиптических контекстах) должен быть представлен в клаузе, ср. неграмматичность примера (1б).

В данной работе предлагается эксплицитный анализ, который, с одной стороны, раскрывает семантико-синтаксическую природу наблюдаемых в (1)—(2) явлений, а с другой стороны, формулирует ограничения на представленные выше конструкции. Хотя мы считаем, что несубкатегоризованный датив не специфицируется в словаре, а возникает свободно в ходе синтаксической деривации, далеко не с каждым глаголом возможно употребление несубкатегоризованного датива, ср. неграмматичность примеров (3).

(3) а. *Иван видит Маше городские достопримечательности.

б. *Иван хорошо понимает учителю математику.

Предметом рассмотрения в данной работе являются семантико-синтаксические свойства рассматриваемых конструкций в русском языке. Конструкции анализируются с точки зрения взаиморасположения глагольных аргументов в иерархически организованной синтаксической структуре (рассматриваются свидетельства связывания, эффект превосходства, сфера действия кванторов и прочее) и с точки зрения их семантических свойств (отношения посессивности между аргументами).

Цель исследования — выявить семантические отличия между конструкциями с субкатегоризованным и несубкатегоризованным дативом, а также выяснить, какие семантико-синтаксические ограничения действуют на рассматриваемые конструкции.

Языковым материалом к настоящему исследованию послужила глагольная база данных, собранная и обработанная автором. База данных формировалась на основе нескольких источников. Главным источником являлся Национальный корпус русского языка (URL: <http://www.ruscorpora.ru>). Дополнительными источниками, расширяющими базу, послужили синонимические словари, размещенные на порталах www.gramota.ru («Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова; «Синонимы: краткий справочник») и www.dic.academic.ru («Словарь синонимов»). Также использовался англо-русский онлайн-словарь ABBYY Lingvo (URL: <http://www.lingvo.ru>),

содержащий большое количество вариантов перевода одного слова. В итоге база языкового материала насчитывает 200 различных глаголов, субкатегоризирующих и несубкатегоризирующих датив, что представляет собой уникальную базу, не фигурировавшую ранее в других работах.

Среди формирующих базу данных глаголов имеются следующие типы глаголов, образующих конструкции с субкатегоризованным и несубкатегоризованным дативом: двухместные переходные глаголы, не субкатегоризирующие датив, трехместные переходные глаголы, субкатегоризирующие датив, а также одноместные и двухместные непереходные глаголы.

Для удобства учета и анализа материала собранные глаголы формировались в специальные лингвистические карточки, число которых совпадает с числом глаголов и составляет 200 единиц. В карточках содержится информация о глагольном виде, переходности, предельности, семантическом типе глагола, а также разнообразная семантическая информация, связанная с наличием / отсутствием посессивных отношений между дативом и прямым дополнением. Данный набор семантико-синтаксических характеристик с необходимой полнотой позволяет описать глаголы, формирующие конструкции с субкатегоризованным и с несубкатегоризованным дативом.

Необходимо также отметить, что в ходе анализа в работе для иллюстрации отдельных явлений используется материал других языков. Данный материал в основном поступал из литературы и грамматик и не являлся отдельным объектом исследования.

В основе метода исследования лежит обращение как к положительному (грамматичному), так и отрицательному (неграмматичному) языковому материалу. Обращение к отрицательному языковому материалу необходимо для выявления различий в семантико-синтаксическом поведении рассматриваемых конструкций. Отрицательные данные возникали в ходе анкетирования 30 носителей русского языка. Анкета, инструкция по заполнению анкеты для информантов и сводная таблица полученных результатов содержатся в приложении. Для анализа материала также использовалась интроспекция автора, учитывавшаяся в анкете наряду с оценками опрашиваемых информантов, а также в случае с примерами, не выносившимися на оценку информантов, что в свою очередь связано с практической невозможностью опроса информантов по всем приводимым в работе примерам.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в исследовании проведено детальное изучение свойств несубкатегоризованных аргументов. Представляется, что именно эти свойства проливают свет на многие аспекты архитектуры глагольной группы и в целом аргументной структуры глагола в русском языке. В работе выявлен набор семантико-синтаксических свойств, характеризующий глаголы, допускающие и не допускающие несубкатегоризованное дативное дополнение.

В отечественной традиции аргументную структуру глагола часто называют глагольной диатезой [Benveniste 1966]⁵, [Мельчук, Холодович 1970], [Успенский 1977]⁶, [Яхонтов 1978]⁷. И то и другое — таблица соответствий между семантическими ролями аргументов и их синтаксическим оформлением в предложении. Можно сказать, что развитие исследований в области аргументной структуры происходило практически всегда в двух различных измерениях. Первое измерение — это исследования, ориентированные на изучение лексической семантики глагола. Базовое допущение таких работ состоит в том, что реализация аргументов полностью предопределяется теми или иными компонентами глагольного значения. Эта парадигма восходит к первым работам Филлмора. Другое измерение представляют формально-синтаксические / формально-семантические исследования аргументной структуры, объясняющие те или иные явления в аргументной структуре через специальный математический аппарат, не опирающийся (по крайней мере целиком) на лексическое значение глагола. В исследованиях первого типа изучается, главным образом, вопрос о том, каковы универсальные семантические классы глаголов, реализующих одинаковые аргументные конфигурации, и почему соответствие между семантическими классами и возможными аргументными конфигурациями именно таково, каково оно есть, а не другое. В работах второго типа исследователи ищут ответ на другой вопрос: какими должны быть основные допущения синтаксической и/или семантической теории естественного языка, чтобы данная аргументная конфигурация была в нем возможна. Настоящая работа выполнена именно в рамках данного направления, благодаря чему оказалось возможным объяснить целый ряд ранее

⁵ Benveniste, Emile. 1966. *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard.

⁶ Успенский, В. А. 1977. «К понятию диатезы» // В. С. Храковский (ред.), *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка*. Л.: Наука. С. 65—84.

⁷ Яхонтов, С. Е. 1978. «Классы глаголов и падежное оформление актантов» // В. С. Храковский (ред.), *Проблемы теории грамматического залога*. Л.: Наука. С. 102—107.

оставляемых за кадром семантико-синтаксических ограничений, накладываемых на глагол с субкатегоризованным и не субкатегоризованным дативом.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов при чтении лекционных курсов и проведении семинарских занятий по синтаксису и семантике русского языка. Кроме того, обобщения, сделанные в данной работе, можно также использовать при составлении грамматических описаний русского языка.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены и обсуждены в ходе докладов на научной конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей в Санкт-Петербурге (2005, 2006, 2009, 2011), на Лейпцигской студенческой конференции по лингвистике LeSCoL (2006), на Ломоносовских чтениях в МГУ (2007), на лингвистической конференции в Берлине SLS (2007), на конференции FDSL-7 в Университете Лейпцига (2007), на конференции FASL-18 в Итаке, США (2008), FDSL-8 в Потсдаме (2009).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и библиографии.

Основное содержание диссертации

В **Главе 1** обсуждается проблематика косвенных дополнений и один из возможных подходов к ней — подход, делящий все косвенные дополнения на субкатегоризованные глаголом и несубкатегоризованные. Наиболее известной в этой области является проблема дативного косвенного дополнения. В зависимости от лексических свойств глагола, возглавляющего клаузу, а также еще от нескольких факторов, связанных с синтаксисом и семантикой предложения, косвенный датив может быть обязательным и факультативным.

Проблема косвенного дополнения относится к области исследований актантной структуры глагола. Следует отметить активное развитие синтаксических и семантических исследований актантных дериваций за последние три десятилетия [Мельчук 1993]⁸, [Kemmer 1993]⁹, [Падучева 1974]¹⁰, [Chafe

⁸ Мельчук, И. А. 1993. «Согласование, управление, конгруэнтность», Вопросы языкознания 5. С. 16—58.

⁹ Kemmer, Suzanne. 1993. *The Middle Voice*. Amsterdam: Benjamins.

¹⁰ Падучева, Е. В. 1974. *О семантике синтаксиса*. М.: Наука.

1971/1975]¹¹, [Shibatani 1985]¹², [Baker 1988]¹³, [Grimshaw 1990]¹⁴, [Levin 1993]¹⁵, [Baker 1997]¹⁶. К изучению данной проблематики относится диссертация Л. Пюльккянен [Pylkkänen 2002]¹⁷, посвященная исследованию каузативов и аппликативов в разноструктурных языках. Известно, что существует несколько принципиальных возможностей построения правил для отображения глагольных аргументов в синтаксические позиции [Levin, Rappaport Hovav 1996]¹⁸, [Лютикова и др. 2006: 25]¹⁹, [Baker 1997]. Одна из таких возможностей основывается на традиционном понятии диатезы, которое наряду с понятием модели управления широко используется теоретиками Московской семантической школы [Мельчук, Холодович 1970], [Мельчук 1974], [Успенский 1977], [Яхонтов 1978], [Мельчук и др. 1984]. Для обобщения над диатезами и представления информации о глагольных аргументах в словаре используется понятие модели управления [Мельчук 1974: 130-140], [Апресян 1974: 133-156], [Мельчук, Жолковский 1984]²⁰. Принципиальной проблемой в рамках исследования диатез и моделей управления является обязательность или необязательность того или иного участника ситуации, обозначаемой глаголом. Глаголы с дативным косвенным дополнением, как выясняется, делятся на два класса: глаголы, лексически специфицирующие дативный аргумент (трехместные глаголы, субкатегоризирующие датив), и глаголы, лексическая семантика которых не предполагает существования дативного аргумента, но которые при этом допускают в предложении дативное дополнение. Глаголы первого класса участвуют в образовании конструкций с субкатегоризован-

¹¹ Chafe, Wallace L. 1971. *Meaning and the Structure of Language*. Chicago: University of Chicago Press. (Русский перевод: Чейф У. Л. 1975. *Значение и структура языка*. / Пер. с англ. Г. С. Щура, послесл. С. Д. Кацнельсона. М.: Прогресс.)

¹² Shibatani, Masayoshi. 1985. "Passives and related constructions: a prototype analysis", *Language* 61: 821–848.

¹³ Baker, Mark C. 1988. *Incorporation: A Theory of Grammatical Function Changing*. University of Chicago Press, Chicago.

¹⁴ Grimshaw, Jane. 1990. *Argument Structure*. Cambridge, MA: MIT Press.

¹⁵ Levin, Beth. 1993. *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. University of Chicago Press, Chicago, IL.

¹⁶ Baker, Mark C. 1997. "Thematic Roles and Syntactic Structure." In L. Haegeman (ed.), *Elements of Grammar*. Dordrecht: Kluwer. 73–137.

¹⁷ Pylkkänen, Liina. 2002. *Introducing Arguments*. PhD diss., MIT.

¹⁸ Levin, Beth & Malka Rappaport Hovav. 1996. "From Lexical Semantics to Argument Realization." In *Handbook of Morphosyntax and Argument Structure*, ed. H. Borer, Dordrecht: Kluwer.

¹⁹ Лютикова, Е. А., С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов и др. 2006. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. М.: ИМЛИ РАН.

²⁰ Мельчук, И. А., А. К. Жолковский, Ю. Д. Апресян и др. 1984. *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики*. Wien: Wiener Slavistischer Almanach.

ным дативом, второго класса — в образовании конструкций с несубкатегоризованным дативом.

В работах Кибрика и его соавторов [Кибрик 2003]²¹, [Кибрик 2000]²², [Кибрик и др. 2004]²³, [Брыкина 2005]²⁴, а также в [Апресян 1995]²⁵ предполагается, что в (4) «...происходит расщепление исходной семантической валентности предиката, заполненной генитивной группой». [Кибрик 2003: 307]

(4) Он поцеловал ей руку / у нее руку. [Кибрик 2000]

В основе данных конструкций лежит абстрактное отношение когнитивной сопряженности, связывающее два концепта онтологически (по природе вещей) или ситуационно (в конкретной актуализованной ситуации). Экстраполированный посессор при этом выражается дативом или локативной предложной группой. Доступность синтаксических альтернатив, подобных (4), предполагают авторы, целиком управляется степенью когнитивной сопряженности, имеющейся между посессором и посессумом (*дом с крышей, девочка с кошечками, поцеловать Машу в щеку* и др.).

Само апеллирование исследователей к таким понятиям, как «природа вещей» и «актуализованная ситуация» говорит о том, что правила, по которым интерпретируются русские конструкции с внешним посессором, основаны на онтологических связях между объектами внешнего мира (часть тела, принадлежность, собственность и т. д.), или, в терминах ряда работ по лексической семантике, на энциклопедических знаниях.

Исследования последних трех десятилетий позволили объяснить значительное количество семантико-синтаксических свойств конструкций с дативным дополнением. Так, одна из возможных семантико-прагматических типологий этих конструкций представлена в [Рахилина 1982]²⁶. Эта работа посвящена отношению принадлежности и способам его выражения в русском

²¹ Кибрик, А. Е. 2003. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя.

²² Кибрик, А. Е. 2000. «Внешний посессор как результат расщепления валентности» // Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (отв. ред.), Слово в тексте и в словаре / Сб. ст. к семидесятилетию Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры. С. 434—446.

²³ Кибрик, А. Е., М. М. Брыкина и А. Н. Хитров. 2004. «Опыт фронтального корпусного исследования конструкций с внутренним и внешним посессором» // Доклады международной конференции Диалог'2004. С. 265—275.

²⁴ Брыкина, М. М. 2005. «Типы конструкций с внешним посессором в русском языке» // Материалы междисциплинарной конференции Диалог'2005. М. Борик, О. М. 1995. Синтаксический признак неаккузативности глагола (на материале русского языка). Дипломная работа, МГУ.

²⁵ Апресян, Ю. Д. 1995. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки Русской Культуры.

²⁶ Рахилина, Е. В. 1982. «Отношение принадлежности и способы его выражения в русском языке (дательный посессивный)» // Автоматизация обработки текста №2.

языке. Автор показывает, что способ оформления факультативного участника ситуации зависит от глагольной лексемы и фиксируется в словаре. В результате изучения грамматических ограничений на конструкцию с дативным дополнением выделяется четыре класса глаголов, не допускающих дательный посессивный: глаголы психической каузации (*зажмурить, скривить, напрячь*), адресации (*показать, подать, протянуть*), восприятия (*видеть, рассмотреть, изучить*) и приобретения (*украсть, купить, взять*). Этот труд, несомненно, находится в том же ряду исследований, что и следующая за ней впечатляющая по масштабу лексико-типологическая монография [Levin 1993] (раздел Object Alternations), а также исследования творческого коллектива проекта «Лексикограф» [Кустова и др. 1993]²⁷, [Падучева, Розина 1993]²⁸, [Падучева 2004]²⁹, в которых содержится целый ряд важнейших обобщений о семантике и синтаксисе глагола и глагольной группы в русском языке. Следует также отметить масштабное исследование Шибатани [Shibatani 1994]³⁰, [Shibatani 1996]³¹ на материале японского и корейского языков, посвященное бенефактивным конструкциям.

Дальнейшее обсуждение будет основано на последовательном разделении субкатегоризованного датива (участника ситуации, существование которого предполагается семантикой ситуации, обозначаемой глаголом; например, *дать, послать, сказать* в значении не ‘произнести’, а ‘адресовать высказывание’) и несубкатегоризованного (факультативного с точки зрения семантики ситуации: *построить, сварить, разрушить*). Как следствие, несубкатегоризованный датив не является обязательным актантом в конкретной предикации. При этом, как правило, субкатегоризованный датив является обязательным актантом.

Первый тип дативного дополнения будем называть (собственно) дативом, а соответствующие предложения – дативными конструкциями. Второй тип

²⁷ Кустова, Г. И., Е. В. Падучева, Е. В. Рахилина и др. 1993. «Словарь как лексическая база данных: об экспертной системе “Лексикограф”» // Научно-техническая информация (Серия 2), №11.

²⁸ Падучева, Е. В., Р. И. Розина. 1993. «Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства» // Вопросы языкознания, №6.

²⁹ Падучева, Е. В. 2004. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры.

³⁰ Shibatani, M. 1994. Benefactive constructions. A Japanese-Korean comparative perspective // N. Akatsuka (ed.). Japanese / Korean linguistics. V. 4. Stanford, 1994.

³¹ Shibatani, M. 1996. "Applicatives and benefactives: a cognitive account [includes Indonesian and Japanese]" // Grammatical constructions: their form and meaning, M. Shibatani and S.A. Thompson (ed.), pp. 157-194. Clarendon; New York: Oxford University Press.

совместимы только с переходными глаголами, а высокие – теоретически с любыми.

Поскольку Пюльккянен предполагает, что в языке может быть представлен только один тип аппликативной вершины – высокий или низкий, – она использует переходность как критерий для определения типа этой вершины в произвольном языке.

(6) ОБОБЩЕНИЕ О ПЕРЕХОДНОСТИ:

Если в данном языке непереходные агентивные глаголы допускают аппликативизацию, то в этом языке представлен высокий тип аппликатива, в противном случае – низкий.

Следует отметить, что русский материал в отношении обобщения (6) и рассуждений о семантике обладания ведет себя, на первый взгляд, непоследовательно. С одной стороны, отношение обладания между объектом и аппликативным актантом (ср. пример (2a)), а также несочетаемость русских непереходных агентивных глаголов с аппликативным актантом в (7) заставляют предположить, что русский язык относится к языкам с низким типом аппликативной вершины – как и английский.

- (7) а. *Иван плюнул Петру.
б. *Иван смеется Петру.
в. *Иван постучал Петру.

С другой стороны, следующие группы примеров отчетливо демонстрируют, что, во-первых, отношение обладания между аппликативом и объектом возникает не всегда – ср. (8), – а во-вторых, в некоторых конструкциях непереходные агентивные глаголы вполне сочетаются с аппликативным аргументом – ср. (9).

- (8) а. Иван_i разлил Маше (свои_i) чернила на платье.
б. Они_i подбросили (свою_i) мину во двор следователю.
в. Мы_i принесли ему (свои_i) дары.
г. Магнаты_i гостеприимно открыли ему (свои_i) двери.
- (9) а. Саггети прицельно плюнул ему на ботинок.
б. Она смеется ему в лицо.
в. Рудольф постучал ей в дверь.

Таким образом, русский материал в данном случае демонстрирует, что презумпция о том, что в языке может быть представлен только один тип аппликативной вершины, неверна.

Второе важное обобщение, используемое Пюльккянен при определении типа аппликативной вершины, касается определенных семантических характеристик / свойств глагольной вершины.

(10) ОБОБЩЕНИЕ О ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ:

Если в данном языке стивные глаголы допускают аппликативизацию, то в этом языке представлен высокий тип аппликатива, в противном случае – низкий.

Как указывает Пюльккянен, семантика низкого аппликатива всегда предполагает изменение в отношении обладания между объектом и аппликативом. Это означает, что стивные глаголы (даже переходные) типа *содержать, предпочитать, знать, осознавать, видеть, заслуживать, иметь, обозначать, понимать* не сочетаются с низким аппликативом. Действительно, русские примеры в (11) неграмматичны, как и их английские эквиваленты.

- (11) а. *Иван видит Маше городские достопримечательности.
б. *Иван хорошо понимает учителю математику.
в. *Коробка содержала Ивану новую книгу о Гарри Поттере.
г. *Иван имеет Маше много денег.

Пюльккянен полагает, что обобщения (6) и (10) коррелируют между собой, и эту корреляцию подтверждают данные, как минимум, английского, японского и корейского языков (низкий аппликатив) и луганды, венды и албанского (высокий аппликатив). Ср. следующие примеры из [Pylkkänen 2008: 20–21]³⁴:

- (12) а. *Непереходный агентив* (японский, низкий аппликатив)
*Taro-ga Hanako-ni hasit-ta.
Таро-NOM Ханако-DAT бежать-PAST
'Таро убежал от Ханако'

³⁴ Pylkkänen, Liina. 2008. *Introducing Arguments*. Cambridge, MA: MIT Press.

б. *Статив*

*Taroo-ga Hanako-ni kanojo-no kaban-o mot-ta.

Таро-NOM Ханako-DAT она-GEN сумка-ACC держать-PAST

‘Таро подержал Ханako ее сумку’

(13) а. *Непереходный агентив* (албанский, высокий аппликатив)

I vgarova.

он.DAT.CL бегать.1SG

‘Я для него побегал’

б. *Статив*

Agimi i mban Drites çanten time.

Агим.NOM CL держит Дрита.DAT сумка.ACC мой

‘Агим держит мою сумку для Дриты’

Русский язык не подтверждает гипотезу об этой корреляции уже потому, что противоречивые данные в (7–9) вообще не позволяют отнести его к языку с определенным типом аппликативной вершины. Тем не менее, в отношении обсуждаемого обобщения (10) русский язык ведет себя как язык с низкой аппликативной вершиной.

Третье и последнее типологическое обобщение Пюльккянен основывается на наблюдении над сочетаемостью аппликатива с вторичной предикацией. Прежде всего, сравниваются две конкурирующие теории вторичной предикации: анализ вторичной предикации как сложного предиката [Marantz 1989]³⁵, [Embick 2004]³⁶ и как малой клаузы [Hoekstra 1988]³⁷, [Kratzer 2005]³⁸. На примере английского предложения *(John) washed the shirt clean* ‘(Джон) выстирал рубашку дочиста’ иллюстрируются структурные различия между двумя подходами. В случае анализа вторичной предикации как малой клаузы появляется возможность объяснить запрет на сочетание низкого аппликатива и вторичной предикации. В анализе вторичной предикации как малой клаузы прямое дополнение является сестрой вторичного предиката и

³⁵ Marantz, Alec. 1989. “Projection vs. percolation in the syntax of synthetic compounds”. In Robert Davis (ed.), Selected papers from the Annual Spring Colloquium. Chapel Hill: University of North Carolina, UNC Linguistics Circle. 95–112

³⁶ Embick, David. 2004. “On the structure of resultative participles in English”, *Linguistic Inquiry* 35: 355–392.

³⁷ Hoekstra, Teun. 1988. “Small clause results”, *Lingua* 74 : 101–139.

³⁸ Kratzer, Angelika. 2005. “Building Resultatives”. In Claudia Maienborn, Angelika Wöllstein-Leisten (eds.), *Events in Syntax, Semantics, and Discourse*. Tübingen: Niemeyer. 177–212.

интерпретируется как аргумент этого предиката: $\lambda x.\text{clean}(x)[\text{the shirt}] = \text{clean}(\text{the shirt})$. Если в глагольной группе *washed the shirt clean* будет введена вершина Appl, она не сможет соотнести вводимый ею аппликативный аргумент и прямое дополнение – последнее уже «спрятано» в предикацию *clean(the shirt)*, являющуюся интерпретацией малой клаузы.

Таким образом, с точки зрения обсуждаемого параметра русский язык, по видимому, следует отнести скорее к языкам с высоким аппликативом, ср. следующие примеры:

(14) а. Мария вернула **мне** книгу_i испорченной_i.

б. Прошу вас, сохраните **ему** сердце_i здоровым_i.

Таким образом, данные русского языка входят в противоречие с предсказаниями теории Пюльккянен. В Главе 3 предлагается собственная теория аппликативизации, учитывающая специфику русского языка.

В **Главе 3** выявляются два типа русских аппликативных конструкций — приименного и приглагольного аппликатива — и предлагается анализ семантико-синтаксических свойств двух типов аппликативов. В предложенном анализе предпринимается попытка отказаться от предлагаемых Пюльккянен различий между высокими и низкими аппликативными вершинами. Показывается, что семантико-синтаксические свойства вершины Appl, по крайней мере, в русском языке, не в полной мере зависят от ее положения относительно лексической глагольной вершины. В обсуждаемом ниже подходе гораздо большее значение, чем противопоставление «высокий vs. низкий аппликатив», имеет оппозиция «приглагольный vs. приименной аппликатив», которая уже частично получила освещение в работе [Grashchenkov, Markman 2008]³⁹.

Нестандартное, с точки зрения существующей теории аппликативизации, поведение русских аппликативов получает объяснение, если допустить, что в данном случае мы имеем дело с несколькими типами аппликативных конструкций. Ср. наличие посессивного отношения между прямым дополнением (15) и аппликативом и сочетаемость с непереходными агентивными глаголами (16). Аппликативный аргумент в (а)-примерах будем называть пригла-

³⁹ Grashchenkov, Pavel, Vita G. Markman. 2008. “Non-Core Arguments in Verbal and Nominal Predication: High and Low Applicatives and Possessor Raising”. In Natasha Abner and Jason Bishop (eds.), Proceedings of the 27th West Coast Conference on Formal Linguistics, 185-193. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project.

гольным аппликативом, или V-аппликативом, а аппликатив из (б)-примеров – приименным, или N-аппликативом.

- (15) а. Иван_i вспахал Маше (*свой_i) огород. (V-аппликатив)
б. Иван_i разлил Маше (свои_i) чернила на платье. (N-аппликатив)
- (16) а. *Она смеется ему. (V-аппликатив)
б. Она смеется ему в лицо. (N-аппликатив)

Важнейшее допущение, принимаемое далее, состоит в том, что в отличие от (а)-примеров в (15) и (16), в (б)-примерах аппликативный аргумент образует с косвенным дополнением общую составляющую.

В N-аппликативах дативный аргумент исходно зависит от ИГ, обозначающей локативного участника. Это и есть широко обсуждаемый в литературе подъем посессора. В V-аппликативах аппликативный аргумент образует общую составляющую с глаголом (а не с прямым дополнением, как предполагал бы анализ в духе подъема посессора).

Структурные различия между V-аппликативами и N-аппликативами имеют последствия и для интерпретации этих конструкций. Так, в N-аппликативах регулярным образом возникает отношение посессивности между аппликативом и локативным дополнением, что препятствует установлению посессивного отношения между аппликативным аргументом и прямым дополнением. При V-аппликативах отношение посессивности между аппликативом и прямым дополнением обусловлено экстралингвистическими факторами – ср. следующие примеры:

- (17) а. Вася перевязал Маше *свою рану.
б. Вася нарисовал Маше #свою картину / #свой портрет.

В (17а) *рана* однозначно интерпретируется как рана, принадлежащая Маше. В (17б) прямое дополнение *картина / портрет* может интерпретироваться как нечто принадлежащее Васе как автору, а не владельцу (*свою картину*) или просто изображающее его (*свой портрет*).

Для того чтобы оставаться в пределах грамматики, образующееся пространство различных типов посессивных связей можно было бы попытаться классифицировать и обобщить в терминах глагольных лексических классов или в любых других грамматических терминах. Однако наблюдения из (18) не позволяют этого сделать.

- (18) а. Вася открыл Маше дверь.

б. Вася открыл Маше (*свой) глаз.

в. Вася поднял Маше шлагбаум.

г. Вася поднял Маше (?свою) сумку.

При одном и том же глаголе *открыть* в (18а,б) прямое дополнение *глаз* в (18б) связано отношением посессивности с аппликативным участником, а в (18а) не связано ни с одним из участников. В (18в) очевидной посессивной связи между шлагбаумом и Машей не возникает, а в (18г) может возникать посессивная связь между Машей и сумкой (хотя и необязательно).

Эти наблюдения означают, что возможность установления того или иного типа посессивной связи зависит не столько от глагольной семантики, сколько от экстралингвистических знаний о мире говорящего и слушающего. Таким образом, экстралингвистическая природа посессивности в V-аппликативах представляется очевидной. В N-аппликативах посессивность возникает всегда, и, следовательно, может получать структурную интерпретацию.

В отношении двух других параметров – сочетания со стативными глаголами и с вторичной предикацией – N-аппликативы и V-аппликативы не демонстрируют различий.

В разделе, посвященном V-аппликативам, рассматриваются два альтернативных анализа глагольной группы. V-аппликатив имеет определенное сходство с субкатегоризованным дативным дополнением. Структурных различий между приглагольным аппликативом и собственно дативом нет (вопрос об обязательности этого аргумента лежит скорее в плоскости лексической семантики, нежели синтаксиса). Основная проблема заключается в отсутствии убедительных свидетельств в пользу того или иного структурного приоритета между аккузативной и дативной ИГ. Дискуссия о позиции русского дативного дополнения традиционно разворачивается вокруг трех групп свидетельств – связывание реципроков, эффекты превосходства, свойства сферы действия кванторов. Эти свидетельства обсуждаются в работе в контексте двух конкурирующих подходов: анализа Перельцвайг-Дьяконовой [Pereltsvaig 2001], [Dyakonova 2007]⁴⁰, предполагающего приоритет DAT > ACC, и анализа Бейлина [Bailyn 2010], предполагающего обратный порядок.

⁴⁰ Dyakonova, Marina. 2007. "Russian double object constructions". In M. van Staden, H. Zeijlstra (eds.), Amsterdam Center for Language and Communication (ACLC) Working Papers Vol. 2 Issue 1. 3–30.

Перельцвайг [Pereltsvaig 2007]⁴¹ приводит аргумент в пользу гипотезы DAT > ACC в русском языке – порядок выноса нескольких D-свободных (non-D-linked⁴², [Pereltsvaig 2007: 120]) вопросительных местоимений (эффект превосходства).

(19) а. Иван любит Машу.

б. Кто₁ кого₂ t_1 любит t_2 ?

в. #Кого₂ кто₁ t_1 любит t_2 ? (только как переспрос)⁴³

(20) а. Кому что Ваня дал?

б. ?Что кому Ваня дал?⁴⁴

Предложения (19) иллюстрируют, что порядок местоимений при вопросительном выносе воспроизводит исходную иерархию аргументов: подлежащее бесспорно выше прямого дополнения, что отражается в порядке следования соответствующих вопросительных местоимений. Исходя из этой закономерности, в (20) можно отметить, что датив выше аккузатива.

Бейлин [Bailyn 2010], доказывая гипотезу ACC > DAT, апеллирует к свойствам сферы действия кванторов внутри русской глагольной группы, обнаруженным С. Антонюк [Antonyuk 2006]⁴⁵, [Antonyuk 2009]⁴⁶.

Таким образом, выяснилось, что в приглагольных аппликativaх Appl является частью глагольной группы, однако точная конфигурация аргументов – положение аппликativa и его позиционное соотношение с аккузативным аргументом – остается спорной. Существуют вполне убедительные аргументы как в пользу гипотезы DAT > ACC, так и в пользу ACC > DAT.

В разделе N-аппликativa указывается, что приименные аппликativa структурно отличаются от приглагольных, что обнаруживается при помощи ряда синтаксических тестов – как минимум, дативный аргумент образует общую составляющую с другим косвенным аргументом (локативным), которая

⁴¹ Pereltsvaig, Asya. 2007. Copular Sentences in Russian. Dordrecht: Springer.

⁴² Выделяется два типа вопросов: дискурсивно связанные и дискурсивно свободные. Первый тип подразумевает выбор из контекстуально определенных лиц, второй тип такого выбора не подразумевает.

⁴³ Здесь стоит обратить внимание на актуальное членение предложения. Большое внимание позиции фразового ударения уделяется в (Е. А. Брызгунова 1978, 1980, Т.М.Николаева 1977, 2004, Н. Д. Светозарова 1982, С. В. Кодзасов 1996, И. И. Ковтунова 2002, 1980, Т. Е. Янко 2001).

⁴⁴ Аналогично – порядок *что кому* вполне возможен при переспросе. Национальный корпус русского языка, к сожалению, не позволяет вынести суждение, основанное на убедительном объеме примеров: встречаем одно предложение с *что кому* против трех с *кому что*, включая почти идиоматизированное самостоятельное *Кому что [дано / предназначено / ...]*.

⁴⁵ Antonyuk, Svitlana. 2006. “The Scope of Quantifier Phrases in Russian: A QR Analysis”, *Linguistics in the Big Apple*.

⁴⁶ Antonyuk, Svitlana. 2009. “Long-Distance Scrambling, VP Ellipsis, and Scope Economy in Russian”. In PLC 32, ed. L. MacKenzie, 1-9.

не включает глагольную вершину (ср., например, «эффект крысолова»). Кроме того, известно, что в N-аппликативах засвидетельствовано регулярно возникающее посессивное отношение между аппликативным участником и локативным аргументом, но не между аппликативным участником и аккумулятивным аргументом, как это спорадически происходит в V-аппликативах.

Эти наблюдения позволяют сформулировать следующие содержательные обобщения. Во-первых, интерпретация составляющей, объединяющей в себе датив и локатив, должна устанавливать посессивное отношение, которое в дальнейшем блокирует установление такого отношения между дативом и аккумулятивом.

Во-вторых, случаи, в которых посессивность между дативом и аккумулятивом не наблюдается (ср. пример (21)), возможно, объясняются наличием имплицитного локативного участника, с которым датив уже связан отношением посессивности. По всей видимости, это именно так (как минимум) для предикаций с семантикой изменения положения:

(21) а. Иван принес книгу [Петру в школу].

б. Иван принес книгу [Петру e_{Loc}].

В (21а) разновидность когнитивной сопряженности возникает между *Петром* и *школой*, но не между *Петром* и *книгой*. Ее отсутствие в (21б), вероятно, объясняется наличием имплицитного аргумента с ролью места, субкатегоризованного глаголом *принести* и обозначающего некое ситуативно или контекстно специфицированное место, в котором находится Петр.

В-третьих, сочетание N-аппликативов как с переходными, так и с непереходными глаголами (в отличие от V-аппликативов) свидетельствует о меньших селективных ограничениях, накладываемых глаголом на N-аппликативы.

Наконец, «эффект крысолова» дополняется еще одним свидетельством в пользу гипотезы о существовании безглагольного комплекса датива и локатива – возможностью использовать сочинение нескольких таких комплексов:

(22) а. Вася стряхнул пепел [Маше на платье] и [Пете на фрак].

б. Вася разлил чернила [Маше в комнате] и [Пете на кухне].

Наиболее естественно представить этот комплекс как [_{AppIP} AppI [_{PP} P NP]], т. к. при альтернативной вложенности фразовых категорий аппликативный аргумент окажется ниже (следовательно, в перспективе – правее) предлога,

причем сформулировать убедительные условия его передвижения наверх вряд ли возможно.

Такой синтаксический анализ позволяет объяснить, почему в этих случаях возможность присоединения аппликатива не зависит от переходности глагола. В данном случае Appl выбирает вершину P локативного предлога. Поэтому в предложениях с эксплицитной или имплицитной локативной предложной группой переходность вершинного глагола не имеет никакого значения для присоединения вершины Appl.

Заключение

В заключении подводятся итоги проведенного исследования. В исходном виде обобщения Пюльккянен оказались неприменимы к русскому языку – строго говоря, русский не относится ни к языкам типа албанского (с высокой аппликативной вершиной), ни к языкам типа английского (с низкой аппликативной вершиной). Дискуссионными оказались параметр сочетаемости аппликатива и непереходных глаголов и параметр возникновения отношения посессивности между дативом и аккузативом.

Далее, нам удалось обнаружить критическое противопоставление приглагольных и приименных аппликативов, являющихся двумя естественными классами для обобщений Пюльккянен. Действительно, оказалось, что с семантической точки зрения приглагольные аппликативы ведут себя как конструкции с низким типом аппликативной вершины, а приименные – как конструкции с высоким типом аппликативной вершины.

Выяснилось, что в N-аппликативах засвидетельствовано регулярно возникающее посессивное отношение между аппликативным участником и локативным аргументом, но не между аппликативным участником и аккузативным аргументом, как это спорадически происходит в V-аппликативах.

Наконец, выяснилось, что аппликативная вершина далеко не всегда «связана» с глагольной вершиной. По исходной теории Пюльккянен, Appl либо субкатегоризует ее (высокий аппликатив) или субкатегоризуется ею (низкий аппликатив). В представленном анализе предложен альтернативный взгляд: Appl либо, действительно, является частью глагольной группы (приглагольный аппликатив), либо доминирует над локативным аргументом (приименный аппликатив). При этом точная конфигурация аргументов в первом случае

– положение аппликativa и его позиционное соотношение с аккузативным аргументом – остается спорной. Существуют вполне убедительные аргументы как в пользу гипотезы $DAT > ACC$, так и в пользу $ACC > DAT$. В данном исследовании по качеству и количеству аргументов побеждает первая.

Публикации

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

- 1) **Конструкции с несубкатегоризованным дативом в русском языке. 2011, Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН / Отв. ред. Н.Н.Казанский. Т.7, Ч.3. Спб.: Наука, 2011.:410 — 416.**
- 2) **Грамматика русского аппликатива. 2011, Вопросы языкознания 3: 49 — 69.**
- 3) **Синтаксис и семантика русских аппликативов. 2008, Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН / Отв. ред. Н.Н.Казанский. Т.4. Ч.2. Спб.: Наука, 2008.: 146 — 155.**
- 4) Deriving Transitives in Russian. 2009, Proceedings of the 8th European Conference on Formal Description of Slavic Languages. Potsdam.
- 5) Locative Alternation and Verbal Prefix in Russian. 2008, Proceedings of the 2nd Meeting of the Slavic Linguistic Society. Berlin.
- 6) Stems and Prefixes: Spray/Load Alternation in Russian. 2008, Proceedings of the 7th European Conference on Formal Description of Slavic Languages. Berlin.
- 7) **Пассивные причастия и лексическая семантика глагола: свидетельства русского языка». 2006, Третья Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы / ред. А. П. Выдрин, Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко. СПб: Нестор—История, 2006. С. 46 — 52.**
- 8) **Локативная альтернатива и введение аргументов. 2005, Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов / ред. С. С. Сай, Д. В. Герасимов, Н. М. Заика. СПб: Наука, 2005. С. 52 — 57.**